

О.И. Киянская
Д.М. Фельдман

Из истории журналистики
конца 1920-х – начала 1930-х гг.:
показание А.Н. Гарри

В статье публикуются и анализируются показания советского писателя и ведущего журналиста газеты «Известия» Алексея Николаевича Гарри, данные им на следствии в ОГПУ в 1930 году. В контексте этих показаний описывается его биография, его журналистская деятельность. Анализируются причины, по которым журналист был трижды арестован. Особый акцент делается на одном из журналистских заданий Гарри: снабжение работавших в Москве иностранных корреспондентов (инкоров) информацией о жизни СССР.

Ключевые слова: А. Гарри, Евгений Лайонс, «Известия», инкоры, советская журналистика.

Данная статья продолжает серию публикаций материалов следственных дел корреспондента газеты «Известия» Алексея Николаевича Гарри¹. Это имя было хорошо известно читателям газет 1930-х гг.: современники называли Гарри «известинским Кольцовым»². Лично спасавший экспедицию Умберто Нобиле, участник множества авиаперелетов, свидетель строительства заводов, фабрик и каналов, Гарри делился увиденным в традиционных известинских «подвалах». «Пожалуй, не было ни одного приметного события в жизни страны в те годы, в котором бы не участвовал Алексей Гарри в качестве корреспондента “Известий”», – утверждает современник³. Кроме того, Гарри, автор нескольких десятков рассказов и книг, был членом Союза писателей СССР.

Однако биографию столь известного в СССР в конце 1920-х – 1930-х гг. человека восстановить очень трудно. Журналист рассказывал, что его то ли «отцом», то ли «отчимом» был известный

ленинградский врач Леонид Эрлих. А фамилия Гарри – это псевдоним, который он получил в 1919 г., то ли работая в подполье, то ли просто желая задеть отца. Однако есть и мемуарные свидетельства о том, что Гарри – настоящая фамилия журналиста: «В жилах Алексея Николаевича текло множество кровей, фамилия – от деда, то ли француза, то ли итальянца»⁴. Год рождения известинца тоже остается загадкой: в одних документах он утверждал, что родился в 1898-м, а в других – что в 1903 году. Местом своего рождения он называл то Санкт-Петербург, то Париж.

Однако точно известно, что Алексей Гарри – активный участник Гражданской войны. Всю войну он прошел с легендарным комбригом Григорием Котовским, закончил войну начальником штаба в бригаде Котовского. За храбрость Гарри получил два ордена Красного Знамени. О Котовском и котовцах повествуют две книги Гарри: «Огонь. Эпопея Котовского» (М., 1934) и «Рассказы о Котовском» (М., 1959).

Судя по сохранившимся документам и мемуарам, Гарри был непростым и конфликтным человеком. Ссорой закончились его отношения с Котовским; в результате этой ссоры он потерял партбилет. Люто ненавидел Гарри Михаила Кольцова, про которого сочинял и распространял разного рода вымышленные истории. В частности, как не сведущий в западных реалиях Кольцов вместо жвачки принялся – на глазах коллег – жевать презерватив⁵. Из «Известий» Гарри уволили в 1936 г., после конфликта с тогдашним редактором Николаем Бухариным.

Его семейную жизнь тоже сопровождали конфликты. В том же 1936 г. он разошелся с женой, балериной Верой Гарри, ставшей любовницей поэта Павла Васильева. «Выяснение отношений» между Гарри, его женой и Васильевым произошло в присутствии представительниц Совета писательских жен. Результаты увиденного писательские жены изложили на страницах газеты «Правда»: «Пресловутый П. Васильев сидел за столом без платья, в загаженном белье, вдребезги пьяный и ругался площадной бранью. Сам Гарри зашел за перегородку, где, по его словам, лежала его больная жена, тотчас оттуда послышался шум борьбы и иступленный женский крик: “Пашка, он меня бьет!”»⁶

Непростые отношения были у Гарри и с ОГПУ–НКВД.

В июле 1930 г. Гарри арестовали, в ноябре того же года судили и сослали на 10 лет на Соловки. Однако через год он был полностью реабилитирован по постановлению Политбюро. Причем доклад о необходимости его освобождения на Политбюро делал лично Сталин⁷.

Второй раз он был арестован в июле 1937 г. Формальной причиной ареста бывшего известинца стали попавшие в НКВД сведения о том, что он «систематически распространяет» «слухи о массовых арестах» и, в частности, об арестах бывших и действующих чекистов. Однако и на этот раз большая беда обошла его стороной: уже в августе Гарри был освобожден – по личному распоряжению Н.И. Ежова.

Выйдя из тюрьмы, он – в декабре 1936 г. – принял предложение сотрудничать с НКВД. Согласно его позднему признанию, этим сотрудничеством он «старался по мере сил заглаживать все свои прежние промахи как в области отсутствия бдительности, так и в области преступного легкомыслия по отношению к врагам народа»⁸. Однако это его не спасло: в 1938 г. он в третий раз попал в тюрьму. В апреле 1939 г., сразу после ареста Ежова, его лишили боевых наград и осудили на 8 лет лагерей – за участие в «контрреволюционной террористической организации». Обвинялся же бывший журналист, в частности, в том, что согласился совершить террористический акт: бросить бомбу и стрелять из пистолета в машину членов Политбюро⁹.

Наказание он отбывал в Норильском исправительно-трудовом лагере, после освобождения жил в Норильске и Красноярске, работал в местных библиотеках, издательствах и газетах, снова стал писать журналистские и художественные произведения. В сентябре 1955 г. Гарри был реабилитирован, приехал в Москву и через 5 лет умер.

* * *

Судя по следственному делу 1930 г., фрагменты которого публикуются ниже, сферой деятельности Гарри в конце 1920-х – начале 1930-х гг. была не только работа собкором «Известий». Он – по заданию Народного комиссариата иностранных дел – работал с иностранными корреспондентами, аккредитованными в Москве. Гарри снабжал корреспондентов информацией; естественно, что информация эта давалась строго в соответствии с интересами СССР.

Главным из тех, кому Гарри поставлял информацию, был корреспондент американского новостного агентства «Юнайтед Пресс» Юджин (Евгений) Лайонс (1898–1985). Родившийся в дореволюционной России, сочувствовавший большевикам, анархист по убеждениям, Лайонс считался другом Страны Советов. Он писал статьи в поддержку советских властей, яростно защищал приговоренных к расстрелу американских рабочих Сакко и Ванцетти.

В 1924–1927 гг. Лайонс служил корреспондентом американского бюро ТАСС, его корреспонденции и рассказы печатались в советских газетах и журналах. В 1929 г. в Москве была издана его книга «Жизнь и смерть Сакко и Ванцетти».

Приехав в Москву в 1928 г., Лайонс обратился в Отдел Печати НКВД с просьбой дать ему куратора из московских журналистов – и выбор дипломатов пал на Гарри. Между двумя журналистами завязались дружеские отношения, Гарри стал своим человеком в доме Лайонса. При этом большинство собственных действий по «инспирированию» Лайонса, по снабжению его информацией Гарри согласовывал с НКВД. И несмотря на это, Гарри был арестован именно в связи с общением с Лайонсом: ему вменяли в вину шпионаж и разглашение секретных сведений. Впрочем, виновным он себя не признал.

Отправной точкой расследования был, очевидно, чей-то донос. Однако автора доноса определить не представляется возможным: часть документов дела до сих пор не рассекречена. Сам Гарри был уверен, что донос написал его враг Кольцов. Однако следов какого-либо участия Кольцова в этом деле обнаружить не удалось. Дело это прошло для Гарри практически бесследно: он, как уже говорилось выше, был освобожден от наказания и реабилитирован по специальному постановлению Политбюро. Вернувшись с Соловков, он продолжил и работу в «Известиях», и общение с Лайонсом.

Однако «дело Гарри» не прошло бесследно для Лайонса. Очевидно, что история эта способствовала резкому пересмотру американцем собственных прокоммунистических взглядов. Вернувшись в 1934 г. в Америку, Лайонс стал одним из последовательных критиков и советской власти, и лично Сталина. Ненавистью к «утопическому» режиму проникнуты, в частности, его книги «Московская карусель» (1935), «Командировка в утопию» (1937) и «Сталин. Царь всея Руси» (1940).

* * *

Показания Гарри – ценнейший источник и по истории советской журналистики, и по истории зарубежной журналистики 1930-х гг. Кроме того, эти показания существенно дополняют представления о жизни в СССР в 1930-х гг.: в них обсуждаются политические, культурные, бытовые вопросы, волновавшие и советских людей, и иностранных корреспондентов тех лет. Орфография и пунктуация в публикации приведены к современным нормам, сокращения раскрываются в квадратных скобках. Подчеркивания в тексте принадлежат самому Гарри.

К показаниям приложен минимальный комментарий. Общеизвестные имена и реалии, а также имена и реалии, достаточно поясняемые во вступительной статье или в самих документах, не комментируются.

I. Собственноручные показания А.Н. Гарри
от 26 августа 1930 г.

Тов. Стырне¹⁰

В развитие не сделанных¹¹ мною сегодня признаний, а также в дополнение ко всем данным раньше показаниям, сообщаю:

Об «инспирации»

Когда Лайонс явился ко мне с берлинскими визитными карточками (подробности есть в первых письменных показаниях), я детально обсудил этот вопрос с Б. Штейном¹². Штейн тогда официально «наблюдал» за иностранным отделом «Известий», фактически же заведовал им я. Я очень горячо принял просьбу Лайонса о снабжении его известинской информацией. Мы пошли к Степанову-Скворцову¹³, который сказал: «Это – замечательно интересный эксперимент». Штейн поговорил и с Гронским¹⁴ (зам[естителем] отв[етственного] редактора «Известий»), а также согласовал этот вопрос с НКВД (очевидно, с Волиным¹⁵ и Готштейном).

Придя оттуда, он сообщил мне, что Лайонсу матерьял давать можно, но только матерьял наших собственных корреспондентов, а не ТАССа, ибо ТАСС и Юнайтед Пресс¹⁶ «конкурируют». Далее Штейн обратил мое внимание на то, что НКВД, не возражая в принципе, очень боится прецедента, а именно, чтобы все инкоры не потребовали бы, чтобы их прикрепили к тем или иным газетам. Поэтому Штейн указал мне на необходимость вести дело очень «тонко», т. е. создавать впечатление, что я лично помогаю Лайонсу, для того, чтобы инкоры не могли требовать таких же преимуществ. Так я и поступил.

Для начала Лайонсом была передана большая беседа с Гронским о перспективах хозяйственного развития СССР (фактически – наметка пятилетки). Он это передал за границу и прислал мне вскоре около 300 вырезок этой беседы в различных газетах мира.

Позже Лайонс еще раз был у Гронского (кажется, через год) и вторично получил у него очень интересную для дела пропаганды СССР за границей беседу. Тот факт, что все мои отношения с Лайонсом (как личные, так и деловые) были с ведома и согласия «Известий» и НКВД (хотя они нашли возможным это сейчас и отрицать), подтверждается следующим.

1) Есть копии моих докладных записок [в] НКВД, в которых подробно эти отношения излагаются.

2) Я получил прямое указание снабжать Лайонса информацией лично, а не официально, дабы не дать повод другим инкорам считать это прецедентом.

3) Лайонс звонил мне по телефону и приходил ко мне, а также [я] ходил к нему в присутствии ряда сотрудников «Известий», одновременно работающих в НКВД, как то: Штейн, Карский, Гнедин, Канторович, Астахов и т. д.¹⁷

4) Я несколько раз передавал Лайонсу комментарии, специально присланные мне для этой цели из НКВД со специальной инструкцией передать их ему в частном порядке, дабы не мог он потом сказать, что ему это «подсунули».

5) Все указания о том, чтобы я с Лайонсом был «осторожнее», мотивировались отнюдь не принципиальными соображениями, а лишь ссылками на ТАСС, который якобы жалуется, что Лайонс при моей помощи «обскакивает» ТАСС. Я считал и считаю это доводом узко ведомственным и прямо контрреволюционным, в чем соглашались со мной и те лица, которые мне рекомендовали эту осторожность. Если ТАСС плохо работает, то пусть улучшит свою работу, а не заставляет меня работать хуже.

6) В отдельных случаях я согласовывал с НКВД право дать Лайонсу тот или иной известинский материал.

7) Цензоры НКВД неоднократно проверяли у меня по телефону, действительно ли я дал это Лайонсу, или нет.

8) Когда у Лайонса бывали «именитые иностранцы», и он в их честь устраивал прием, я каждый раз согласовывал либо со Штейном, либо с Готштейном право с этими людьми у Лайонса повидаваться, потом сообщал им о результатах беседы либо в устной, либо в письменной форме.

Приносил ли я пользу или вред?

Не доверяя Лайонсу ни минуты, я все время проверял, как он использует даваемые ему матерьялы. Я требовал от него не только вырезки из газет, но и копии всей той информации, как почтовой, так и телеграфной, что он посылал. Я всегда просматривал эти матерьялы, был очень придирчив и делал Лайонсу выговоры, когда находил, что он недостаточно выпятил тот или иной выигрышный для СССР момент, который имелся в статье или корреспонденции, которую я ему дал для использования.

Я за все время не только не сообщил Лайонсу устно, но и не дал ему буквально ни одной известинской телеграммы, опубли-

кование которой в иностранной печати нам было бы выгодно задержать или затемнить (катастрофы, прорывы, гнойники, стихийные бедствия и т. д.), хотя Лайонс просил меня давать ему все «сенсационное».

Я неоднократно парализовал и предупредил распространение в иностранной печати сведений, почерпнутых даже из нашей прессы, которые могли бы нам быть невыгодны. Таких случаев было очень много. Кроме приведенного мною в первом показании случая (утка, пущенная из Риги о катастрофе на военно-морских маневрах)¹⁸, я припоминаю еще следующий. В дни наиболее ожесточенной травли СССР со стороны буржуазной прессы за религиозные преследования Лайонс позвонил мне, что он и Смоляр получили от своих агентств запрос об аресте в Минске и казни 28 раввинов¹⁹. В это время в «Известиях» находились Штейн и Карский.

По согласованию со Штейном я предложил Лайонсу немедленно опровергнуть это, сославшись на минскую газету, в которой сообщалось об аресте двух служителей синагоги за связь с польским шпионажем и за хранение присланной из Польши контрреволюционной литературы. Лайонс в точности исполнил это. Его телеграмма начиналась так: «По полученным сведениям, не подлежащим сомнению, сообщение о и т. д. не соответствует действительности и т. д.». Одновременно Штейн предупредил Литвинова²⁰. В результате, когда Литвинов получил телеграмму от Бора²¹, раввины были уже освобождены. Я считаю этот эпизод выдающимся достижением моей инспирации Лайонса.

Я могу привести буквально еще сотню примеров того, какую громадную политическую пользу приносила моя работа с Лайонсом:

1. Обе беседы с Гронским, переданные за границу.
2. Материалы о «Великом Северном пути», переданные мне Гронским для Лайонса²².
3. Экспедиция Нобиле и экспедиция спасения Эйельсона²³.
4. Бесчисленное количество телеграмм о наших победах на хозяйственном фронте.
5. Бесчисленное количество фельетонов, передовых статей и комментариев, благодаря которым изо дня в день мировая печать размножала и пропагандировала мнение «Известий» по вопросам международной политики.

Припоминаю еще один случай. В Москве проездом остановился Говард, директор крупнейшего американского газетного треста и редактор и собственник газеты «Нью-Йорк Телеграмм»²⁴. Лайонс устроил в честь Говарда прием, на который пригласил и меня.

Я пошел, с разрешения Штейна. «Нью-Йорк Телеграмм» были по отношению к СССР – безразлично-враждебной. Я долго беседовал с Говардом, возил его в «Известия», в Ленинскую библиотеку, в рабочий поселок. Вскоре Лайонс сообщил мне, что трест Говарда подписался на специальный бюллетень «Юнайтед Пресс» об СССР, которого он до сих пор не получал. Я считаю это крупным достижением, следствием моих встреч с Говардом. В дни антисоветского процесса в Америке газета Говарда «Нью-Йорк Телеграмм» все время травила комиссию Фиша и защищала СССР²⁵, что я безусловно приписываю тому впечатлению, которое произвели на Говарда беседы со мной.

Лайонс познакомил меня с Биккелем – директором Юнайтед Пресс²⁶. Из бесед с Биккелем я убедился, что «Юнайтед Пресс» связана с теми американскими капиталистическими группами, которые заинтересованы в сближении с СССР. В заключение беседы Биккель сказал мне, что если когда-нибудь в Нью-Йорк придет корреспондент «Известий», пусть обращается прямо в Юнайтед Пресс, которое всегда с удовольствием будет снабжать своей информацией. Я передал об этом Гронскому, который остался очень доволен.

Лайонс посылал из Москвы больше информации, чем все остальные корреспонденты, вместе взятые. Это очень легко проверить. Я уже одно это считаю крупным достижением для дела нашей пропаганды за границей.

Я считаю, что ни разу не дал Лайонсу ничего такого, из чего он мог бы сделать вредную информацию. Я просматривал то, что он посылал, и я в этом твердо убежден.

Мои денежные отношения с Лайонсом.

Я уже сообщил раньше, что я у Лайонса никогда денег не одалживал, хотя он мне и предлагал, в чем я до ареста не видел ничего зазорного. Что касается слуха о том, будто у моей жены существовали какие-то денежные отношения, то это просто анекдотическая гипотеза, которую я при всем желании не могу удостоить внимания.

За те очень немногие вещи, которые я у Лайонса купил, я ему полностью уплатил деньги, причем он меня обсчитывал, над чем я, в душе, очень смеялся. Я имел возможность, даже не входя в сделку со своей совестью, получить (купить) у Лайонса целый ряд вещей: пишущую машинку, носимые вещи и т. д., но я этим брезговал и считал, что не имею права это делать.

Если я у Лайонса угощался, то и я его угощал, на гораздо более крупные суммы. Если я бывал с ним в ресторане, то почти всегда

я платил один, считая, что я его угощаю. Я могу подтвердить это свидетельскими показаниями. Если я с Лайонсом играл, то я всегда ему проигрывал, и это могут подтвердить свидетели. Я считаю, что знакомство с Лайонсом обошлось мне примерно в 200 рублей в месяц. Если нужно, то я и это могу доказать.

Сейчас, глазами арестованного глядя на эти отношения, я подтверждаю, что Лайонс, по-видимому, пытался меня подкупить деньгами или вещами, но что он убедился, что это невозможно. Принимая мои ответные угощения, он, конечно, тем не менее, каждую копейку, потраченную на меня, записывал на казенный счет. Вполне допускаю, что он просчитал те деньги, которые проиграл на бегах, в те два раза, когда он со мною там был.

Признаю себя виновным в том, что я не учел этого обстоятельства, хотя и должен был его учесть. Я считал и считаю, однако, что в денежных расчетах с Лайонсом я всегда подчеркнуто держал себя на равной ноге и гордился этим. Я считаю, что как раз в этом вопросе я абсолютно чист.

Мое «падение».

И тем не менее Лайонс меня купил. Он нашел единственное уязвимое во мне место и, найдя, широко этим пользовался. Я имею в виду – тщеславие.

Я когда-то был очень скромным человеком. Но достигши настоящей, бесспорной славы, купаясь в лучах своего литературного успеха, я стал тщеславен.

НКВД всегда мне в «Известия» посылал «именитых иностранцев», профессоров, писателей и т. д. Возвращаясь к себе, они пели хвалебные гимны моему уму, моим талантам, моей политической зрелости. Мне это очень льстило. Я показывал всем вырезки из иностранных газет и журналов, где писалось обо мне, и очень этим хвастался.

Даже все мои отношения с Лайонсом носили в себе элемент тщеславия: вот, мол, я какой умный, руковожу Лайонсом. Когда я в его отсутствие «выезжал» с его женой, которая меня несколько не интересовала, я получал тщеславное удовольствие от того, что могут подумать, что я с ней живу.

Лайонс это очень скоро подметил, стал льстить мне в глаза и за глаза, всячески рекламировать меня и т. д. И в результате этого я почувствовал себя по отношению к нему обязанным. Конечно, перед лицом любого закона, перед лицом ОГПУ я могу доказать, что каждая строчка, которую я ему дал, вызывалась целесообразностью и необходимостью. Но я тут покривил бы душой. Перед лицом сво-

ей совести должен признать, что я часто помогал Лайонсу (в том числе и советами) только потому, что считал себя обязанным за то, что он меня рекламировал. Вреда интересам СССР это не приносило, но пользу – приносило только Юнайтед Пресс, хотя повторяю, формально можно считать, что чем больше на Западе о нас пишут, тем лучше.

Другой на моем месте такой пользы Юнайтед Пресс принести не мог бы: моя помощь определялась моими личными способностями и моей квалификацией. Благодаря мне Юнайтед Пресс почти всегда вперед за сутки раньше других мог располагать известинской информацией. Поэтому Лайонс так и дорожил моей «дружбой».

Это – я считаю своей основной ошибкой, если угодно, то и преступлением.

Обо мне лично.

Тов. Стырне бросил мне упрек, познакомившись с моих слов с моей личной жизнью, с моим бытом, что мой быт был «клоакой, в котором легко заводятся черви». Я вынужден с негодованием отвергнуть это обвинение.

Принадлежа к категории наиболее высоко оплачиваемых советских работников (годовой заработок 12 000 и выше), я не покупал себе ни домов, ни старинных вещей, никогда не имел денег на сберкнижке, никогда не создавал себе мещанского уюта, как это делают очень многие. Я отдавал работе 10 и более часов в день, я все время повышал свою квалификацию, читал ежедневно около 30 иностранных газет и журналов, всю марксистскую литературу. Я считаю себя одним из наиболее марксистски-грамотных и политически развитых журналистов в СССР как партийных, так и беспартийных.

Я вел многостороннюю общественную работу и никогда не отрывался от масс. Большие деньги, которыми я располагал, я тратил на свой досуг, причем никогда не «терял лицо» и не компрометировал себя. Это – неорганизованная жизнь и наследство гражданской войны. Я пришел в революцию нищим, нищим и остался. В моей личной жизни нет даже ничего такого, что несовместимо было бы со званием члена партии.

В такой «клоаке» – черви отнюдь не заводятся.

А. Гарри
26/VIII 30.

(ЦА ФСБ. Дело Р-33346. Л. 97–98об.)

II. Собственноручные показания А.Н. Гарри
от 10 сентября 1930 г.

Основное, что требует от меня следствие, т. е. мои разговоры с Лайонсом вне пределов наших официальных отношений – стало мне ясно лишь неделю тому назад. Такое непонимание мною следствия произошло как по моей вине, так, конечно, и по вине следствия, ибо мне никогда не «договаривали», что именно от меня требуется.

Я уже показывал в предыдущих показаниях, что я никогда не оставался с Лайонсом подолгу наедине и не вел с ним, вернее, избегал вести с ним политические беседы. Давать ему объяснения по политическим вопросам я находил нужным только в тех случаях, когда Лайонс высказывал с моей точки зрения определенную вредную для инкора мысль. Тогда я считал своим долгом разубеждать его и внушать ему другие мысли, годные для использования в заграничной печати. Несмотря на то, что я с Лайонсом имел дело почти в течение трех лет, подобных «отвлеченных» разговоров с ним, повторяю, было очень мало. Я категорически утверждаю, что моя линия поведения и все беседы с ним как с инкором были политически правильны. Как с шпионом они, быть может, были и неправильны, но в чем это практически выразалось, мне не ясно до сих пор. Азбуку работы иностранного шпиона ОГПУ сочло нужным преподать мне почему-то только после ареста. Если бы это было сделано раньше, быть может, и самый арест был бы излишен.

Так как у меня превосходная память, я думаю, что приведенными ниже примерами мои «отвлеченные» разговоры с Лайонсом исчерпываются. Во всяком случае – это основное, о чем мы с ним за это время беседовали. Сейчас, когда мне яснее становится многое, чего я до сих пор не понимал, я признаю, что даже и такие, с моей точки зрения невинные разговоры очевидно давали Лайонсу право рассматривать меня как ценнейшего своего информатора. Однако повторяю, что поскольку в этих беседах не было буквально ничего, не подлежащего оглашению, мне до сих пор не вполне ясно, как практически Лайонс использовал беседы со мной для своей шпионской работы. Вот вкратце эти беседы:

1. Однажды Лайонс спросил меня, правда ли, что арестован Михаил Кольцов, закрыт журнал «Чудак» и высланы авторы шутки, осужденной в соответствующем постановлении ЦК, опубликованном в печати²⁷.

Такую концепцию я счел сугубо вредной и сенсационной. Так как у Лайонса был на руках соответствующий номер журнала «Чу-

дак», я объяснил ему, почему данная шутка является недопустимой, сообщил, что Кольцов получит только выговор и что никто из авторов не выслан и даже не получил никакого внушения. Я сообщил также, что «Чудак» благополучно продолжает выходить.

2. В другой раз Лайонс спросил меня, правда ли, что автор «Дней Турбиных» Булгаков был арестован ГПУ и освобожден лишь после того, как обратился с просьбой в Политбюро. Я рассказал Лайонсу, что Булгакова знаю лично, что арестован он никогда не был. Правда, он ходил около года без работы, но написал письмо Наркомпросу Бубнову, который и устроил его на службу в МХАТ-Г²⁸ Я разъяснил Лайонсу, в чем заключалась ошибка Булгакова и что от него требовалось для реабилитации.

3. В одной из моих статей Лайонс прочел, что экспедиция помощи Нобиле была снабжена гнилыми продуктами, и просил описать ему это подробно. Я рассказал ему, почему происходят такие вещи, и сообщил ему, что хозяйственники, виновные в этих безобразиях, отданы уже под суд.

4. Лайонс, прочтя, что редактором «Известий» будет Крумин, а Савельев уходит в «Правду»²⁹, очень интересовался, для кого из них это повышение, а для кого – понижение. Я объяснил ему, почему здесь не может быть и речи ни о повышении, ни о понижении.

5. Лайонс постоянно жаловался мне на то, что ТАСС его «травит». Некоторые поступки ТАССа не только по отношению Лайонса, но и других инкоров, действительно, были возмутительны (кое-что об этом я дал в предыдущих показаниях). Я успокаивал Лайонса, иногда соглашался с ним, что ТАСС допустил ошибку, указывал ему на необходимость уладить эти вопросы с НКВД, а не ругаться и т. д.

6. Когда по СССР закрылся целый ряд газет, Лайонс очень интересовался тем, что он назвал «проблемой трестирования печати». Я подробно объяснил ему разницу между трестированием печати в буржуазных странах и у нас³⁰. Помню, Лайонс написал об этом корреспонденцию, которая была вполне дружественна и соответствовала интересам нашей пропаганды за границей.

7. Лайонс очень хотел купить квартиру в кооперативе и просил ему помочь. Одновременно он возмущался тем, что это так сложно. Я разъяснил ему принципы нашего жилищного строительства, рекомендовал обратиться за содействием в НКВД, обещал помочь и т. д.

8. Во время отлета «Крыльев Советов» на аэродроме произошел инцидент с корреспондентом ТАСС – Гофманом³¹. ТАСС нашел нужным перенести обсуждение этой склоки на страницы советской печати, откуда оно было подхвачено белой и реакционной

английской прессой, которые, конечно, постарались придать этому пустяковому случаю политический характер. Когда я вернулся из-за границы, Лайонс спросил меня, в чем дело. Я дал ему совершенно правдивое объяснение, которое опровергало всю клевету белых.

9. Постоянно лъстя мне и делая вид, что он очень интересуется моей литературной деятельностью, Лайонс прочел о предстоящем напечатании первой части моей книги «Котовский» и романа «Воскресение»³². Впоследствии напечатание этих вещей задержалось и по Москве поползли слухи, что обе эти вещи – запрещены Главлитом. Лайонс спросил меня об этом. Я разъяснил ему, что слухи о запрещении этих вещей являются очередной обывательской сплетней, что мне просто предложено их переделать. Я разъяснил Лайонсу, почему редакция права, требуя переделок. Кстати, с требованиями редакции я сам был вполне согласен.

10. Лайонс проявлял повышенный интерес не только к назначениям, но и к тому, кто какие должности занимает, кто совмещает и т. д. Например, что Ярославский делает, кроме «Безбожника»³³, кто входит в партколлегию ЦКК, какие функции у этого органа³⁴ и т. д. Я ему всегда давал ответы на эти вопросы, тем более, что специфических белогвардейских вопросов о Коминтерне–ЦК–Совнарком Лайонс мне никогда не задавал, и то, что я ему говорил, он мог, потеряв некоторое время, узнать из всей Москвы или из комплекта газет.

11. Когда происходили аресты советских людей, бывавших у Лайонса, он постоянно очень волновался и просил, чтобы я ему объяснил, за что их арестовывают. Хотя для меня лично было ясно другое, т. е. что эти люди выбалтывают ему как инкору ненужные вещи, я давал ему другое, на мой взгляд, более невинное объяснение: Вы – враг, агент капиталистической печати, эти люди официально не имеют к Вам никаких дел, они просто идеологически к Вам тяготеют, разлагаются в Вашем обществе и т. д.

12. Однажды я обнаружил в комплекте Лайонса почтовую корреспонденцию о «тоске и скуке» в Москве, о запрещении танцев, о закрытии ресторанов и т. д. У меня с ним произошел бурный спор, причем я изложил советскую точку зрения на культурную революцию и т. д.

Я считал Лайонса шпионом постолько, сколько шпионом является каждый инкор. Я считал, что с этой точки зрения я с ним вполне осторожен, тем более, что я читал все его корреспонденции и видел, что мои «лекции» он не использует во вред интересам нашей пропаганды. Это служило для меня подтверждением, что моя линия правильна.

Иногда между Лайонсом, Фишером и Гаммером³⁵ бывали абстрактные политические споры. Изредка я в этих спорах принимал участие, доказывая правильность нашей линии. Если Лайонс действительно такой высококвалифицированный шпион, то, быть может, он из самой моей аргументации мог черпать сведения о «кухне» нашей политической пропаганды. Хотя мне до сих пор неясно, какими принципами он руководствовался в этом отношении.

А. Гарри

(ЦА ФСБ. Дело Р-33346. Л. 91–92)

Примечания

- ¹ См. предыдущие публикации: *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Из истории советской журналистики: автобиография Алексея Гарри // Вестник РГГУ. Сер.: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 4 (13). С. 24–42; *Они же.* «Ведь он у нас в списке...»: К истории общественных настроений 1937 года // Россия XXI. 2016. № 4. С. 160–179; *Они же.* Показания А. Гарри о положении иностранных корреспондентов в СССР (1930 год) // Вопросы литературы. 2016. № 4. С. 308–344.
- ² *Нехамкин С.* Котовец // Известия. 2006. 24 апр.
- ³ *Кудреватых Л.* Репортер «Известий» // Заполярная правда. 1969. 16 февр.
- ⁴ *Нехамкин С.* Указ. соч.; *Кудреватых Л.* Указ. соч.
- ⁵ *Снегов С.* «Прошло полсотни лет» // Заполярная правда. 1993. 24 авг.; *Норильский С.* «Поверни омара на спину...» // Заполярный вестник. 2002. 18 окт.
- ⁶ Личная жизнь писателя // Правда. 1937. 15 мая.
- ⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о пересмотре дела А. Гарри, 20 октября 1931 г. // Лубянка: Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД: Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти: Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. С. 286.
- ⁸ Следственное дело Гарри А.С., 1938 г. // ЦА ФСБ. Дело Р-2409. Л. 69.
- ⁹ Там же. Л. 115.
- ¹⁰ Стырне (Стырна) Владимир Андреевич (1897–1937) – следователь по делу Гарри, с 1924-го по 21 сентября 1930 г. – помощник начальника Контрразведывательного отдела ОГПУ, затем помощник начальника Особого отдела ОГПУ; расстрелян.
- ¹¹ Так в тексте. «Не» вставлено над строкой.
- ¹² Штейн Борис Ефимович (1892–1961) – в 1928 г. (время приезда Лайонса в СССР) сотрудник Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД), куратор газеты «Известия» от НКВД.

- ¹³ Степанов-Скворцов (Скворцов-Степанов) Иван-Иванович (1870–1928) – в 1925–1927 гг. ответственный редактор газеты «Известия».
- ¹⁴ Гронский Иван Михайлович (1894–1985) – в 1928 г. заведующий экономическим отделом «Известий», заместитель ответственного редактора И.И. Скворцова-Степанова.
- ¹⁵ Волин Борис Михайлович (1886–1957) – в 1927–1929 гг. руководитель отдела печати НКВД.
- ¹⁶ Американское новостное агентство «Юнайтед Пресс» (United Press Association) было основано в 1907 г. журналистом и издателем Эдвардом Скрипсом и его партнером Милтоном Макреем. Принцип, положенный в основу деятельности агентства, состоял в том, что новости продавать следует всем заинтересованным лицам без ограничений.
- ¹⁷ Карский Михаил Андреевич (1900–1937) – в конце 1920-х гг. помощник заведующего, а затем заведующий Отделом Балтийских стран и Польши НКВД; расстрелян. Гнедин Евгений Александрович (1898–1983) – в конце 1920-х гг. сотрудник НКВД, совмещавший эту работу с должностью заместителя заведующего иностранным отделом «Известий»; впоследствии заведующий отделом печати НКВД; арестован в 1939 г., в 1941 г. осужден на 10 лет лагерей. Канторович Анатолий Яковлевич (1896–1937?) – в конце 1920-х гг. референт 2-го Восточного отдела НКВД, совмещавший эту работу с должностью заместителя заведующего иностранным отделом «Известий»; погиб в тюрьме. Астахов Георгий Александрович (1897–1942) – в конце 1920-х гг. референт отдела Дальнего Востока НКВД; погиб в тюрьме.
- ¹⁸ Об этом инциденте Гарри сообщал в показаниях от 30 июля 1930 г.: в 1929 г., «в дни больших маневров Балтфлота», ему позвонил Лайонс и прочел полученный им из Берлина телеграфный запрос. Телеграмма (в изложении Гарри) гласила: «Рига сообщает, что к берегам Балтийского моря прибиты обломки двух советских кораблей, “Урицкого” и “Троцкого”, а также несколько сот трупов. Как сообщают, на двух советских кораблях произошел бунт, последовал взрыв и оба корабля пошли ко дну. Немедленно выясните и телеграфируйте». В итоге выяснилось, что «Урицкий» и «Троцкий» – «одно и то же судно», однако на двух кораблях Балтфлота в ходе маневров действительно произошли беспорядки, что привело к столкновению судов. При этом пострадали 4 человека. Однако Гарри было запрещено передавать эту информацию Лайонсу. «В результате мне пришлось сообщить Лайонсу, что мне ничего не удалось узнать по этому поводу», – показывал он. На следующий день среди инкоров был распространен официальный текст: «Наркомвоенмор СССР категорически опровергает как факт наличия означенных судов в Советском флоте, так и факт столкновения этих двух судов и все остальное, с этим связанное». Однако «все советские газеты» напечатали сообщение ТАСС «с подробным описанием аварий, с указанием жертв, с подтверждением названия одного из кораблей» (Дело Гарри А.Н. 1930 г. // ЦА ФСБ. Дело Р-33346. Л. 9–9об.).

- ¹⁹ Смоляр Борис (1897–1986) – американский журналист российского происхождения, с 1924 г. – корреспондент Еврейского телеграфного агентства в Европе и СССР. Информация о казни раввинов в Минске не соответствовала действительности.
- ²⁰ Литвинов Максим Максимович (1876–1951) – в 1921–1930 гг. – заместитель наркома иностранных дел РСФСР и СССР, в 1930–1939 гг. – нарком иностранных дел СССР.
- ²¹ Очевидно, имеется в виду Бора Уильям Эдгар (1865–1940) – американский политик, сенатор-республиканец, в 1924–1933 гг. председатель сенатской комиссии по иностранным делам, сторонник установления дипломатических отношений с СССР.
- ²² Великий Северный [железнодорожный] путь – неосуществленный проект железной дороги, соединяющей Сибирь с Центральной Россией. Проект этот активно обсуждался в советской печати в конце 1920-х гг., однако в 1931 г. от него отказались.
- ²³ Арктическая экспедиция под руководством итальянского полярного исследователя Умберто Нобиле (1885–1978), совершавшая полет на дирижабле «Италия», потерпела катастрофу в мае 1928 г.; большинство выживших участников экспедиции были спасены советскими моряками. В спасении выживших Гарри принимал личное участие и писал об этом репортажи в газету «Известия». Эйльсен Карл Бен (1897–1929) – американский полярный летчик. Погиб в авиакатастрофе в Сибири при попытке спасти людей с терпевшего бедствие у Нордкапа (мыс Отто Шмидта) грузового судна «Нанука». Не зная о судьбе Эйльсена, СССР организовывал экспедицию по его спасению, ход которой тоже освещался в советской печати.
- ²⁴ Говард Рой Уильям (1883–1964) – американский журналист и издатель, начал карьеру в качестве уличного продавца газет, к концу 1920-х гг. совладелец и директор крупнейшего в США газетного треста «Scripps-Howard». Под контролем треста находилось 26 ежедневных и 10 воскресных газет, в частности газета «Нью-Йорк Телеграмм анд Сан».
- ²⁵ Фиш Гамильтон (1888–1991) – американский политик, член Палаты представителей в Конгрессе США от штата Нью-Йорк; член Республиканской партии США. Комиссия Конгресса под его руководством была создана 22 мая 1930 г.; в ее задачи входило расследование фактов коммунистической пропаганды в США.
- ²⁶ Биккель Карл Август (1882–1972) – американский журналист, в 1923–1935 гг. директор новостного агентства «Юнайтед Пресс», сочувствовал СССР.
- ²⁷ Речь идет о событиях сентября 1929 г., когда в сатирическом журнале «Чудак», выходившем под редакцией М.Е. Кольцова, был опубликован фотоматериал, высмеивающий «круговую поруку» в Ленинградской партийной организации. Фотоматериал вызвал волну партийного возмущения, Кольцову вынесли строгий выговор с предупреждением и сняли с поста редактора. Потом – после

- «покаяния» – последовало возвращение Кольцова на пост редактора. Однако это возвращение не спасло «Чудак», который закрылся в конце февраля 1930 г. и был слит с сатирическим журналом «Крокодил». Несмотря на просьбу Кольцова, он не стал редактором объединенного журнала.
- 28 Очевидно, слух об аресте Булгакова связан с тем, что его пьеса «Дни Турбиных», впервые представленная на сцене Московского Художественного театра (МХАТ) 5 октября 1926 г., была подвергнута острой критике в печати, а в апреле 1929 г. снята с репертуара. 28 марта 1930 г. Булгаков обратился с письмом к «Правительству СССР»; в письме он просил либо отпустить его за границу, либо дать ему возможность работать во МХАТе. Письмо это было разослано по нескольким адресам. Его получил, в частности, А.С. Бубнов. Следствием письма стал телефонный разговор Булгакова с И.В. Сталиным и зачисление Булгакова в штат МХАТа. Спектакль «Дни Турбиных» был возобновлен в феврале 1932 г. Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) – в 1929–1937 гг. народный комиссар просвещения СССР; расстрелян. МХАТ-I – главная группа МХАТа; называлась так в отличие от МХАТ-II и МХАТ-III – самостоятельных театров, выросших из театральных студий МХАТа. Лайонс, по-видимому, был близким приятелем Булгакова, но Гарри не знал об этом. Так, в частности, именно Лайонс перевел пьесу «Дни Турбиных» на английский язык и в 1934 г. опубликовал перевод в Бостоне.
- 29 Крумин Гаральд Иванович (1894–1943) – с июля 1930 по апрель 1931 г. – ответственный редактор «Известий», погиб в лагерях. Савельев Максимилиан Александрович (1884–1939) – ответственный редактор «Известий» с июля 1929 по июль 1930 г., после ухода из «Известий» недолгое время был редактором «Правды».
- 30 С начала 1910-х гг. в США активно шел процесс монополизации («трестирования») периодических изданий. К 1930-м гг. под контролем 55 крупных трестов находилось более 300 американских газет. В СССР в эти годы тоже шел процесс укрупнения и слияния периодических изданий, вызванный не финансовыми, а идеологическими причинами.
- 31 Европейский перелет по маршруту Москва – Травемюнде – Берлин – Париж – Рим – Марсель – Лондон – Париж – Берлин – Варшава – Москва на самолете АНТ-9, носившем название «Крылья Советов», начался 10 июня 1929 г. Пилотировал самолет легчик Михаил Громов, на борту было восемь пассажиров, в том числе Гарри и Кольцов. «Инцидент», о котором идет речь, состоял в том, что корреспондент ТАСС Карл Гофман не попал на самолет из-за перегруза и – в присутствии как советских, так и иностранных журналистов – заявил протест. За это Гофман получил партийный выговор.
- 32 Книга Гарри «Огонь. Эпопея Котовского» вышла в 1934 г.; роман «Воскресение» обнаружить не удалось – очевидно, он так и не был опубликован.
- 33 Редактор журнала «Безбожник» Емельян Михайлович Ярославский (1878–1943) в конце 1920-х – начале 1930-х гг. совмещал журналистскую дея-

тельность с деятельностью члена Центральной Контрольной Комиссии при ВКП(б) (высший партийный контрольный орган, следивший за исполнением партийных решений всеми советскими организациями), в 1924–1934 гг. – секретарь Партколлегии ЦКК.

³⁴ Партколлегия ЦКК была создана на XIV съезде ВКП(б) в 1925 г., в ее функции входило рассмотрение личных дел коммунистов, подозревавшихся в нарушении программы, устава и партийной этики. В конце 1920-х гг. в нее, кроме Е.М. Ярославского, входили М.Ф. Шкирятов, А.А. Сольц, И.И. Коротков, Н.М. Осьман и др.

³⁵ Фишер Луи (англ. Louis Fischer, 1896–1970) – американский журналист и историк, в 1920-х гг. московский корреспондент газет «Дейли Геральд», «Нью-Йорк Ивнинг Пост», еженедельника «Нэйшн». Кто именно из живших в то время в Москве представителей семьи американских концессионеров Гаммеров (Хаммеров) имеется в данном случае в виду, установить не удалось.